

Мордюкова Н.

1986/5

Нонна Мордюкова

РАССКАЗ ИЗ ДЕТСТВА

КОНЦЕРТИК

Всю жизнь, с детства Нонна Викторовна Мордюкова записывает все, что поразит, увлечет, тронет душу, — будь то встреча мимолетная с занятым человеком или неожиданно нахлынувшее воспоминание, история любопытная или отношение к только что просмотренному фильму... «Это просто потребность — собирать образы-бисеринки, не думая о том, пригодятся ли, — говорит она. — Как у человека, который ходит по земле, примечая: вот гвоздик валяется роженский и сам в руки просится — что-нибудь прибить. Так разве ж оставишь его, ведь и он свою службу сослужить должен...» Подобно рачительному хозяину, не проходит актриса мимо жизненных впечатлений, копит их на бумаге, чтобы не ушли из памяти. И случилось нередко, что записи эти помогали ей в творчестве.

Сегодня мы предлагаем читателям воспоминания Нонны Мордюковой о детстве, которые, по нашему мнению, составили законченный рассказ. Стоит лишь закончить по настоянию автора: все милое, с детства, красивое, необычное именовали сельские словами ласковыми, уменьшительными. Оттого и названные получилось такое.

Тихо. Пекло. Бурьян под хатой. Мне четыре года, пятый. Сижку, не мигая, не шевелясь, смотрю на дорогу. Не дай бог — моргнуть или отвлечься! Смотрю и смотрю, а на дороге — никого, в хуторе — никого, все в поле. Я посажена мамой встретить самый-пресамый дорогой груз...

— Не пропущу, мамочка, не пропущу! То, что везут, мне тоже позарез нужно, как и тебе, мамочка...

Сижку. Позволяю себе только кусочку муху отогнать и все смотрю на дорогу, на то ее место, где она ныряет ввиз. Наконец-то! Дядя Ваня с деревянной ногой везет впереди себя повозку. Шылока поднялась и не дает разглядеть, что на повозке. Видно только покачивающуюся от хромоты фигуру и мокрую, прилипшую к телу рубашку. Подпускаю возницу поближе, глаза таращу, чтобы разглядеть. Не вижу за пылью! Всакиваю... «От дому ни шагу!» — мамин приказ. Я уже тяжело дышу, понимаю — поперек повозки лежит то, чего я жду.

— Шифоньерка! — кричу я. Дядя Ваня завозит ее во двор и ставит под яблоню в тень. Обтирает пыль, потом достает ризунчатый гребешок резной и прищипывает наверх. На дверце выжжена увеличительным стеклом бабочка.

— Ну вот... Мамка твоя слезно просила: «Сделай, сделай»... А я их сроду таких не делала. Сама она и рисунок составила.

— Мама не составила рисунок, — возразила я, — она срисовала у Кукаречихи в городе...

Дядя Ваня сел в тень, вытянул свою деревяшку и закурил. Я вынесла из хаты коробочку железную из-под зубного порошка. На ней смеялся негр с большими зубами.

— Вот деньги, мама вам велела взять, сколько надо.

Потный, большой, он вздохнул глубоко и пояснил: «Внутри крючки для вешанья одежды». Докурив, он набрал ковшиком воды в кадучке, накрытой листом фанеры, попил, а потом открыл коробочку, вынул все деньги и взял только часть.

— На, положи остальное на место, — сказал он и, глядя на дело рук своих, добавил: — И на что оно такое высокое...

— Как в городе! — крикнула я. — Как в городе! Мама сказала: у нас будет шифоньерка, как в городе!..

Радостная мама попросила отца поставить шифоньерку углом на самое видное место и от нее протянула дорожку домотканую к двери. Казалось, жизнь стала полнее и интереснее, когда появилась городская вещь, хоть и не фабричная, а все-таки «как в городе».

Теперь и вставалось утром, и ходилось как-то по-новому. Глянешь на шифоньерку — сердце радуется, мы теперь другие — по комнате богатство и красота летают. Первые дни даже не хотелось из дому выходить. Потом привыкла, стала бросать шифоньерку и, как обычно, бегать с детьми. Носились, пока не услышим: «Е-ду-ут!», и мы пулей в концы села. А там еду на арбах наших мамы с поля, с песнями. У каждой остался от рабочего дня кусочек обветренного хлебунка. Этот хлеб назывался «от зайчика». Мы верили, и остатки хлеба расходились нарасхват. Съедали

его с аппетитом, думая, что и вправду зайчик прислал...

Текли дни, месяцы. И вот однажды угораздило меня зайти в наше сельцо. Было оно маленькое и темное. Окно не было, дверь парашашку, а как смеркалось — керосиновая лампа. Когда приглядишься, видно становится: хомуты, сбруи, седла, коромысла, материя, платки, бусы, булавки, ленты, а поправей — соль, уксус, вино, патока в макитре на вес. И вдруг заглянуло солнышко, садясь. И я исцугалась, слезы к горлу подступили — откуда ж оно, такое чудо! Висит и горит синим-пресиним огнем матросочка из такой же материи, как мамин праздничный платок, — кашемира. Юбочка в крупную складку, кофточка поверх юбки, внизу на резиночке, а рукавчики и воротничок обшиты тесьмой из шелка — красной и белой! По синему полю, да по шерсти, да шелк, да белый, да с красным... Боже мой! И главное: белая — пошире, красная — поуже... Солнышко зашло вбок, за дверь, и матросочка слала еще лучше — тесемочки как будто светились...

Началась отдельная, никому не знакомая моя трагическая жизнь. Мечталось: «Вот если бы шифоньерка, да к ней еще матросочка! Ой, мамочка, были бы мы с тобой счастливые люди!» Но матросочку ту в сельцо, а я проверю, никто не требует. Люди думают, что это показ, как надо думать. А у меня только о ней одной мысли — сидим ли в канаве, купаемся ли в реке или лазим по дворам, прихватывая чего где придется — там помидорчик горяченький от солнца сорвем, там огурчик тепленький, по с мокрой листвою... Или к крайней хате наведываемся, где одинокая старуха живет и во дворе шлепает листьями груша. Зной, полдень. Старуха отдыхает, а мы ползком залезаем на грушу, высокую да старую, набираем полные пазухи, и визз... Ширка — пес до того старей, что каждый день кажется: вроде помер. Но раз воздух носом еще ловит, то и следует ему свое существование среди людей оправдывать. Он вынает первую костюгу-лапу, потом вторую, потом задние две, а мордой по земле мажет. Лопатками делает два толчка, и из груди — два хрипа со свистом. Это значит — лайкнул сторож дома. Ну куда ж нам такого старюгу бояться... Так что набираем груш и по-пластунски к легкой небольшой печечке. Вот сколько на свете хозяек, а дай им один и тот же продукт — сварят борщ по-своему. И уж как нам любопытно отведать, чего эта старуха, едва передвигающаяся, сварила. Голодные да озорные, подползаем к печи. Чугун накрыт сковородой. Жарок от камыша еще теплится. Мы снимаем сковородку и жменями пробуем борщ. Не очень горячий, упрощенный и оттого такой вкусный, что мы половиной съедаем, а закусьвать грушами бежим к реке...

Какая ж чудесная была жизнь, если б моя матросочка не была в такой темноте, в таком непривычном сарае-сельцо: если б подводы с новыми рессорами не любил останавливаться в нашем сельцо... Перед сном решила я написать маме письмо о спасении матросочки. Но писала плохо — говорила лучше. Утром мама со-

бирается на работу. Запахло лепешками, молоком. Зубным порошком, духами «Кармен».

— Дочка, вставай, поведем в степь. Там начальство будет, надо маленький концертик сделать. Ты его и закончишь.

— Мам, я пойду... мамочка, но давай сперва в наше сельцо зайдем.

— В сельцо?! — мама знала, что я никогда ничего не просила. — А чего ты там не видела?

— Ну зайдем, все одно мимо... Мы заходим... Матросочка в темноте.

— Тетя Ася! — кричу я. — Открывайте двери!..

Матросочка, освещенная утренним светом, — тоже красавица, но по-другому.

— Мама, бачпшь?

— Бачу, дочка, — мама немного поглядела на нее и спокойно просит: — Ася, дай посмотреть вот эту матроску.

— Дорогая она, Петровна, ох дорогая — як платье. На здорову людуку...

Что выразило мое лицо — не знаю, но послы был неповторимый. Помню, мама понюхала матросочку и тихо сказала: «Хорошим магазином пахнет».

— Мам, — душась от слез, попросила я в последний раз.

— На шо она тебе? — репила Ася помочь маме. — По огородам бегать та чужие груши рвать? Артистка...

Я уже грызла зубами прилавок и плакала.

— Пойдем, дочка, деньги достанем. У батьки что-то там завалилось. Завтра на концертке в ней и выступишь.

Ночь, конечно, я не спала, все «блывала» глазами — не утро? Подходила к деревянной кровати, где спали родители, и спрашивала: «Мам, не пора?».

— Ложись, доченька, еще только три часа...

Я села на подоконник и все смотрела на большой замок сельцо, который был уже не замок, а сторож моей матросочки.

А утречком я бежала из магазина в матроске домой. Мама шла сзади, несла мое старое платье и любовалась: ну и матросочка, ну и люди! — придумали такую одежду для девочки, ну и красавица! Я до самого «концертника», как волчок, крутилась по всем хатам, а когда кружилась — юбочка становилась похожей на зонтик...

Вот уже и середина дня. Мы у конюшни, мама запрягает бедарку — двухколесную, с двумя дышлами, для торжественных случаев двуколючку. Там дети визжат, кувыркаются на соломе — они ведь не могут бесконечно смотреть на матроску. Один мальчик лет девяти стоит с печальным лицом, потом, прикусив нижнюю губу, говорит тихо в ухо: «Мне тебя жалко».

Это, конечно, была попытка объяснить доселе неизвестное чувство увлечения девочкой, а не жалость к мешанке, погрязшей в вещизме. И это его первое внимание к девочке было благодаря сказочной матроске. И я, как ни странно, появилась и до сих пор помню, в чем заключалась его печаль. Я поддавала еще больше, прыгала с телеги на телегу, пока мы с мамой не уехали на вручение грамот и концертик...

Фото А. Кочетова.